

Философское отделение мужского клуба деревни Малая Сивуха находилось на берегу одноимённой речки. Возможно, где-то существовала и Большая Сивуха. Но это было в другом мире, не ограниченном двумя десятками полуразвалившихся изб да единственной улицей с гордым именем «Центральная», по которой проехать можно было разве что на танке. Умиравшие дома густо заросли репейником да крапивой, но где-то в самой глубине своего нутра отчаянно хранили они запахи ушедшей жизни, счастья, боли и тоски.

Про большой мир за лесами и полями мужики давно не ведали. Ни Иван, бывший пастух, ни Серёга, бывший тракторист, ни даже Пётр Степаныч, когда-то занимавший пост бухгалтера в сгинувшем в неизвестность колхозе «Красный луч». Все они теперь были вольными рыбаками, философами и единственными уцелевшими мужчинами умирающей деревни.

Иные давно исчезли. Кто-то ярко и яростно спился и дал дуба. Другие уехали в мифический город — ушли в мир иной. Кто тихо-мирно преставился в родной постели.

Кроме них в деревне доживали свой век пяток старух да две собаки, похожие на волков, забредших из леса. Для справедливости добавим сюда два десятка кур бабы Нюры да её же давно сбежавших и одичавших кроликов. Те обжили овраг, вступили в кровосмесительную связь с местными зайцами и бесконтрольно размножились. Вот и всё население Малой Сивухи.

Каждый день шёл по строго определённом распорядку. Зимой мужики пили самогон из стеклянных банок, закусывая солёными грибами, философствовали, сопровождая тезисы крепким морозным матом. Летом день-деньской сидели у реки на солнечном косогоре и неспешно делились мудрыми мыслями. Для порядка брали с собой удочки, дожидаясь вечерней поклёвки. Трёхлитровая банка — в самый раз. Закусывали сырыми маслятами, упругими и скользкими, да хрустящими сыроежками.

Июльский четверг после ночного дождика был тёплый.

Серёга расслабленно смотрел на дремлющий поплавок. На рыбалке — как? Тихо. Сидишь, думы думаешь.

— А чего солнце днём светит, не ночью? Днём и так светло, — произнёс он.

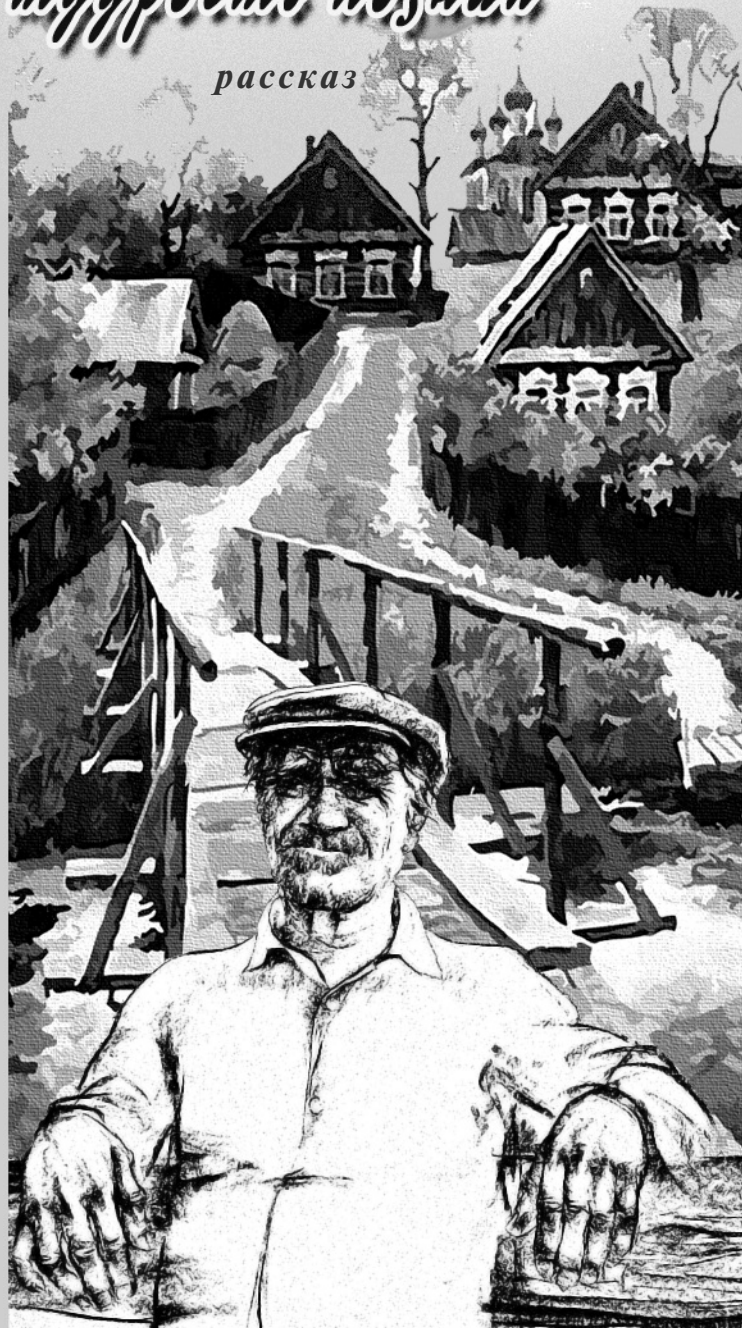
Михаил
ХАРИТ

г. Москва

Как простой рыбак

мудрость познал

рассказ

Мужики обстоятельно включились в беседу:
 – Ясен пень, – резонно отметил Пётр Степаных. – Земля-то круглая.

– И чё?

– Так сменная работа. Полсуток здесь светит, полсуток у иностранцев за бугром.

Серёга задумался, потом сказал:

– И кто так устроил?

– Астрономия.

В беседу включился Иван:

– Не! Бог так сделал.

– На кой?

– Чтоб по справедливости.

– А чё тогда баба рождает, а мужик нет? Ей больней выходит.

Ответил Иван, признанный религиовед:

– Согрешила она, итить! Яблоко съела.

И вновь тишина. На глубине что-то булькнуло. Рябью пошли круги. Вода плеснула со звуком шлепка по тугой заднице.

Степаных о чём-то вспомнил:

– Бабы... Они только к ночному делу годятся, если трезвый...

Неугомонные мысли крутились в мозгу Сергея:

– Почему баба в брюках – нормально, а мужик в юбке – тля?

Вопросы мучали. Их было так много, что и не все спросишь. Почему рыба ест дождевых червей? В реке их нет. Червь только на остром крючке висит. Выходит, смерть вкусна?

– Мужики, а смерть зачем?

– Известно, для порядка.

Степаных почесал затылок и весомо добавил:

– Убери смерть – и бардак начнётся.

В реке вновь забурило. Вгляделся в воду, но ничего там не высмотрел. Пожевал травинку и отвёл взгляд.

– Крыса водяная?

– Русалка. Помнишь, Надька утопла? А тело-то не нашли.

Показалось, что повеяло холодом.

– Налить, что ли, – поспешно предложил Сергей.

– Правильная мысль. – Иван развернул бережно завернутое богатство – ржаной кирпич с запахом ботвы да печёной картошки – нарезал его.

Выпили. Обстоятельно закусили хлебом да припасённым молодым чесноком.

В кустах ежевики ёжился ёж. Обожрался кляксами переспелых ягод, вот и колобродил.

– Почто живём? – вдруг спросил Серёга.

– Ясен пень, – после первого литра Степаныху многое открывалось, – жизнь – для продолжения рода.

– А на кой его продолжать? Вот не будет нас, рыба обрадуется. Да и червяки...

– Дурак ты, Серёга, хоть и башковитый, – беззлобно молвил Степаных.

Он неторопливо поднялся, сходил до кустов, слегка забирая вбок. Вернулся.

– Чёй-то, Степаных, тебя набок перевешивает? Ети тянут?

– Думы тяжелы...

Налили ещё: трезво мыслить помогает. Выпили. Закурили. Бычки в траву не бросали, собирали в пустую банку, отчего та курилась печной трубой.

«Жизнь начинается с боли и заканчивается болью. Но, значит, есть что-то между этими муками такое, что заставляет человека сопротивляться смерти», – Серёга поразился собственной мудрости. Огляделся.

Тихо дышала река. За косогором кипел розовым иван-чай, за ним виднелся буйный разнорост полыни, лебеды да гусятника. В плотно сомкнутых стеблях жил целый неведомый мир, растил потомство, пел и плакал, скакал и прятался. Густо гудели шершни, вислозадые осы да стрекотали кузнечики. Пчёлы водили хоровод над яркими цветами.

Серёга глубоко вдохнул густую, как сигаретный дым, цветочную пыль с медовым ароматом.

Хорошо! И показалось, что и говорить ничего не надо. Бывают моменты, когда молчать упоительно.

Птицы затеяли дневную переключку. Дятел елозил на стволе выдавшей виды берёзы, призывно разбросавшей ветви. Солнце выскочило из-за пушистых облаков, и всё вокруг посветлело, заиграло тысячами радостных оттенков. Стрекоза, похожая на девочку-фею, зависла в воздухе, радушно сияя тонкими перепончатыми крыльями.

Где-то лениво отзывалась кукушка. Муравьи струйками тянулись в прогалинах, на мгновенье останавливаясь и сообщая друг другу грозные замыслы своей королевы.

Лето — благословенная пора. Как его мало! И как его долго ждать, а пролетает лето, как любовь, оставляя сладость в пыльных банках с вареньем!

И тут Серёга увидел радугу. Один конец её защемило далёкой дубовой рошей за лугом, другой таял в небе. Радуга сияла рыбьей чешуёй — розовым, перламутровым да жёлтым, уходящим в синь.

— Пологая, — заметил Степаныч. — Жди дождя ночью.

— Мужики, чего радуга — дуга? — вступил в беседу Иван

— Земля-то круглая, — вновь привёл Степаныч свой убийственный тезис.

— Ну и чё с того? — не отставал любознательный Иван. — Молния, та зигзаг. Горизонт — линия. Облака ваще куча-мала... Логика нет.

— Логика у древних греков, — возразил учёный Степаныч.

— Може, купол сверху? Над Землёй, — вдруг предположил Серёга.

— Скажешь тоже. А ракеты как летят — не сталкиваются?

Серёга задумался. И правда, как?

День отправился к вечеру. Тени прорастали из деревьев тёмным отражением. Комары завели свою песню. Скоро начнёт плескаться рыба, норovia поймать неосторожного мотыля. Дурья от собственного нахальства, примутся выска-

кивать ерши да пескари. Тут и рыбалка веселей пойдёт — только успевай червя менять.

Тогда Иван неторопливо разложит костёр. Искры звёздочками полетят к небесным подругам. Кто-то лихой запляшет в волнах огня и, наигравшись, затихнет. На перекладину водрузят прокопчённый котелок, в нем споро забурлит да забормочет. В первую закладку лягут плотной стайкой неугомонные ерши. Их и чистить не надо: лишь для отвара предназначенны. Вдогонку — метёлки укропа, девица-морковка да картофелина. А там окладистые лещи в кипяток сиганут. И в конце сто грамм слезы самогонной прямо под крышку. И будут мужики хлебать ложками золотистую уху, обжигаясь, беззлобно матерясь от блаженства.

Тёплый ночной морок окутает плечи так нежно и ласково, как мать новорожденного. Так трепетно, словно все они — и Серёга, и Иван, и даже Степаныч — дети малые у кормящей груди. И нет горя, нет боли, нет страха, нет вопросов, — впереди только бесконечная добрая жизнь.

Стрёкот кузнечиков сольётся с дыханием ночи и создаст особую чуткую тишину, которую надо осторожно и бережно хранить. Не спугнуть громким словом и не растерять, как воду сквозь пальцы.

Мир — волшебство, лето — счастье, а жизнь — дар божий!

□

Михаил Давидович ХАРИТ

родился в 1955 году в Москве.

Окончил Московский институт инженеров транспорта.

Доктор технических наук.

Автор энциклопедии архитектуры «Новый век российской усадьбы».

Опубликовал цикл статей по философии, истории религий,

каббале, теологии, а также монографию

«Тайны святых писаний. Комментарии к Библии и Торе».

Автор романа «Рыбари и виноградари» (2015).

Лауреат Государственной премии

за создание новых технологий в строительстве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

